



## НЕВЕРНАЯ ЖЕНА

Окна в автобусе были закрыты, но внутри уже довольно долго кружила тощая муха. Она летала взад и вперед, как-то нелепо, словно выбившись из сил. Жаннин потеряла ее из виду, а потом увидела, как она села на неподвижную руку мужа. Было холодно. Каждый порыв ветра сопровождался скрипом песка по стеклу, и муха вздрагивала. В неверном свете зимнего утра автобус ехал медленно, с трудом, раскачиваясь, кузов гремел железом, оси грохотали. Жаннин посмотрела на мужа. Узкий лоб с низко растущими вихрами седеющих волос, толстый нос, кривоватый рот придавали Марселю вид капризного фавна. Она чувствовала, как он подскакивает и приваливается

к ней на выбоинах шоссе. Потом мощное тело снова выпрямлялось, опиралось на расставленные ноги; застывшие, ничего не выражающие глаза смотрели в одну точку. Единственным, что оставалось в действии, были его руки — толстые, безволосые, казавшиеся еще короче из-за торчавших из-под манжет рукавов нижней фланелевой рубахи, закрывавших запястья. Эти руки с такой силой сжимали маленький матерчатый чемоданчик, примостившийся между коленями, что, казалось, не ощущали неуверенного движения мухи.

Внезапно ветер взвыл с новой силой, и песчаный туман, окружавший автобус, еще больше сгустился. Создавалось впечатление, будто невидимые руки швыряют песок на окна полными пригоршнями. Муха осторожно пошевелила крылышком, качнулась на ножках и взлетела. Автобус притормозил и почти остановился. Потом ветер словно бы успокоился, туман рассеялся, и машина снова набрала скорость. В пыльном пейзаже появились пятна света. В окне показались две или три чахлые и блеклые пальмы, как будто вырезанные из металла, и через мгновение исчезли.

— Ну и страна! — сказал Марсель.

Заполнившие автобус арабы делали вид, что спят, закутавшись в свои бурнусы. Кое-кто из них забрался на сиденье с ногами, и их качало больше остальных. В конце концов Жаннин почувствовала, что не может выносить их молчание и невозмутимость: ей казалось, что эта безмолвная компания сопровождает ее уже много дней. Между тем автобус отправился в путь с конечной станции у железной дороги на рассвете холодного утра, и уже два часа ехал по унылой каменистой пустыне, простиравшейся, по крайней мере вначале, ровной линией до красноватого горизонта. Однако потом поднялся ветер, и понемногу огромное пространство скрылось из глаз. С этого момента пассажиры уже ничего не видели; постепенно все замолчали и теперь ехали в тишине, напоминавшей бессонную ночь, изредка вытирая губы и глаза, воспалившиеся от проникавшего в автобус песка.

— Жаннин!

Окрик мужа заставил ее подскочить. Она в который раз подумала о том, как не подходит это смешное имя такой крупной женщине. Марсель хотел узнать, где находится сундучок с образцами. Она пошарила ногой под скамейкой и нащупала какой-то предмет,

который приняла за сундучок. Вообще-то она не могла нагнуться, чтобы не начать задыхаться. А ведь в коллеже она была первой спортсменкой, дыхание ее никогда не подводило. Неужели это было так давно? Двадцать пять лет. Двадцать пять лет — это ничто, потому что ей казалось, будто только вчера она выбирала между свободой и браком, только вчера с тревогой думала о времени, когда она, может быть, состарится в одиночестве. Она не осталась одинокой, и студент-правовед, который хотел никогда с ней не расставаться, теперь находился рядом. Кончилось тем, что она приняла его, несмотря на маленький рост и на то что ей не нравились ни его манера смеяться — скупое и короткое, ни его черные глаза навывкате. Но ей нравился его кураж, типичный для французов, живших в этой стране. Кроме того, ей нравилось озадаченное выражение его лица, когда что-то или кто-то обманывал его ожидания. А больше всего ей нравилось быть любимой, к тому же он окружал ее заботой. Он так часто давал ей почувствовать, что она существует для него, что это существование стало реальностью. Нет, она не была одинокой...

Громкими гудками автобус расчищал себе путь среди невидимых препятствий.

В салоне никто не шевелился. Вдруг Жаннин почувствовала на себе чей-то взгляд и повернулась в сторону скамейки, стоявшей напротив, через проход. Сидевший там человек не был арабом, и она удивилась, что не заметила его с самого начала. Он был одет во французскую военную форму; зимняя полотняная фуражка покрывала голову. Его загорелое лицо, вытянутое, с острым носом, напоминало морду шакала. Изучавшие ее светлые глаза смотрели угрюмо и пристально. Она вдруг покраснела и повернулась к мужу, все так же вглядывавшемуся вперед, в туман и ветер. Она закуталась в пальто. Но перед ее глазами по-прежнему стояло лицо французского солдата, длинного и тощего, такого тощего в тщательно пригнанной куртке, что он казался сделанным из какого-то сухого и хрупкого материала, из смеси песка и кости. Именно в этот момент она увидела худые руки и смуглые лица сидевших перед ней арабов и заметила, что, несмотря на широкие одеяния, им вполне хватало места на сиденьях, где они с мужем еле удерживались. Она потуже запахнула полы пальто. А ведь она не была такой уж толстой, скорее крупной и полной, в теле, и еще вполне желанной, — ей было приятно чувствовать на себе

взгляды мужчин, — с немного детским выражением лица, ясными светлыми глазами, не очень-то соответствовавшими этому большому телу, сулившему тепло и уют.

Нет, все происходило не так, как она думала. Когда Марсель захотел, чтобы она поехала с ним в командировку, она стала возражать. Он думал об этой поездке уже давно, если точнее — с конца войны, с того момента, как дела пошли на лад. До войны им удавалось неплохо жить на доходы от маленького магазинчика тканей, который он унаследовал от родителей после того, как бросил учиться на юриста. Молодым людям, живущим на побережье, нетрудно стать счастливыми. Но он не очень любил напрягаться и вскоре перестал водить ее на пляж. Они выезжали из города на своей маленькой машинке только по воскресеньям. В остальное время он предпочитал находиться в своем магазине, среди разноцветных тканей, в тени арок квартала, сочетавшего в себе европейский и местный колорит. Они жили над магазинчиком, в трехкомнатной квартире, украшенной арабскими драпировками и мебелью Барбес. Детей они не завели. Много лет они так и жили, не открывая до конца ставни, в полумраке. Лето, пляжи, прогул-

ки, даже небо были где-то далеко. Марсель, казалось, не интересовался ничем, кроме своей работы. Она решила, что разгадала его настоящую страсть — страсть к деньгам, и это ей не понравилось, хотя она и не очень понимала почему. В конце концов, она этим пользовалась. Он не был жадным; напротив, он проявлял щедрость, особенно по отношению к ней. «Если со мной что-то случится, — говорил он, — тебе будет где укрыться». И в самом деле, надо же укрываться от разных бед. Но где укрыться от остального, от того, что нельзя назвать бедой? Мысли об этом, не очень ясные, порой приходили ей в голову. А тем временем она помогала Марселю вести бухгалтерию и иногда подменяла его в магазине. Тяжелее всего приходилось летом, когда жара убивала даже сладкое чувство скуки.

А потом вдруг, внезапно, именно в разгар лета, началась война. Марселя мобилизовали, потом отпустили, поставки тканей прекратились, дела застопорились, раскаленные улицы опустели. Теперь, если бы что-то случилось, она уже не нашла бы, где укрыться. Именно поэтому, как только на рынке снова появились ткани, Марсель надумал объезжать деревни на плоскогорье и на юге



страны, чтобы обойтись без посредников и вести дела напрямую с арабскими торговцами. Он захотел взять ее с собой. Она знала, что дороги в плохом состоянии, она задыхалась, она предпочла бы остаться и ждать его. Но он настаивал, и она согласилась: потребовалось бы слишком много сил, чтобы отказать. И вот теперь они ехали, и, честно говоря, все получилось не так, как она себе представляла. Ее пугала жара, рои мух, грязные гостиницы, пропахшие анисом. Она не подумала о холоде, о пронизывающем ветре, о почти что полярных равнинах, заваленных валунами. Кроме того, она мечтала о пальмах и о теплом песке. А теперь она увидела, что пустыня — это нечто другое, это только камни, повсюду камни, и в небе, где висела хрустящая и холодная каменная пыль, и на земле, где среди камней изредка пробивалась сухая трава.

Автобус резко остановился. Водитель бросил в сторону несколько слов на языке, который она слышала всю жизнь, но никогда не понимала.

— В чем дело? — спросил Марсель.

Водитель ответил, на этот раз по-французски, что, судя по всему, песок забил карбюратор, и Марсель снова проклял эту стра-

ну. Водитель от души расхохотался и заверил, что ничего страшного не случилось, что он прочистит карбюратор, а потом они поедут дальше. Он открыл дверцу, в салон ворвался холодный ветер, и в лицо сразу вонзились тысячи песчинок. Все арабы уткнулись носами в бурнусы и съежились.

— Закрой дверь, — заорал Марсель.

Водитель со смехом вернулся к двери. Он не спеша вынул какие-то инструменты из бокового ящика, потом снова ушел вперед, очень маленький в тумане, а дверца так и осталась открытой. Марсель вздохнул.

— Можешь не сомневаться, он в жизни не видел мотора.

— Хватит! — сказала Жаннин.

Вдруг она подскочила. На обочине, совсем рядом с автобусом, неподвижно стояли люди, закутанные в бурнусы. Под капюшонами, за отворотом ткани, можно было увидеть только глаза. Эти люди, пришедшие неизвестно откуда, молча смотрели на путников.

— Пастухи, — сказал Марсель.

В салоне царила полная тишина. Все пассажиры опустили головы и, казалось, прислушивались к вою ветра, свободно носившегося по бесконечным равнинам. Вне-

запно Жаннин с удивлением отметила, что они путешествовали почти без багажа. На конечной железнодорожной станции водитель погрузил их собственный чемодан и несколько тюков на крышу. Внутри, в багажных сетках, лежали только сучковатые палки и плоские корзины. Судя по всему, все эти южане ехали налегке.

Водитель тем временем вернулся, он был все так же встревожен. Только его глаза смеялись над тканью, которой он тоже закрывал лицо. Он объявил, что автобус трогается. Он закрыл дверцу, ветер умолк, и стало лучше слышно, как песок бьется в стекло. Мотор закашлял, потом затих. Пришлось долго работать стартером, прежде чем он наконец закрутился, а водитель, нажимая на газ, заставил его взречься. Автобус заикал и тронулся. Над толпой оборванных, по-прежнему неподвижных пастухов поднялась рука, потом она пропала сзади в тумане. Почти сразу же автобус начал подсакивать, дорога становилась все хуже. От этих толчков арабы безостановочно раскачивались. Тем не менее Жаннин чувствовала, что ее клонит в сон, и тут внезапно перед ней появилась маленькая желтая коробочка, наполненная слипшимися карамельками. Солдат-ша-

кал улыбался ей. Поколебавшись, она взяла конфетку и поблагодарила. Шакал спрятал коробочку в карман и словно проглотил свою улыбку. Теперь он устался на дороге, прямо перед собой. Жаннин повернулась к Марселю и увидела только его мощный затылок. Он смотрел в окно на густевший туман, который поднимался над осыпавшимся придорожным валом.

Они ехали уже много часов подряд, усталость уже убила все проявления жизни в салоне, когда вдруг снаружи раздались крики. Автобус окружили дети в бурнуссах, они бежали, прыгали, хлопали в ладоши, крутились на месте, словно волчки. Теперь автобус ехал по длинной улице, вдоль которой стояли низкие домики; они въехали в оазис. Ветер дул по-прежнему, но стены задерживали частицы песка, и они уже не заслоняли свет. Тем не менее небо оставалось пасмурным. Тормоза заскрипели, перекрывая крик, и автобус остановился перед глинобитной аркой у входа в гостиницу с грязными окнами. Жаннин вышла на улицу и почувствовала, что ее шатает. Она увидела возвышавшийся над домами тонкий желтый минарет. Слева от нее виднелись первые пальмы этого оазиса, и ей захотелось подойти к ним. Однако хотя вре-

мя шло к полудню, было еще очень холодно, и от порыва ветра ее пробрала дрожь. Она повернулась к Марселю, а первым увидела идущего ей навстречу солдата.

Она ждала, что он улыбнется или поздоровается. Он прошел мимо, не взглянув на нее, и исчез. Что же касается Марселя, он был занят тем, что спускал с крыши автобуса тюк с тканями и черный сундук. Это было нелегко. Багажом занимался только водитель, который, стоя на крыше, то и дело останавливался и начинал разглагольствовать перед толпой в бурнусах, стоявшей перед автобусом. Оказавшись в окружении лиц, словно вырезанных из кости и кожи, оглушенная гортанными криками, Жаннин вдруг почувствовала усталость.

— Я зайду, — сказала она Марселю, который нетерпеливо окликал водителя.

Она вошла в гостиницу. Навстречу ей вышел хозяин, тощий и молчаливый француз. Он провел ее на второй этаж, на галерею, выходящую на улицу, и в номер, где стояли только железная кровать и стул, выкрашенный белой эмалевой краской, а за тростниковой перегородкой находился туалет с раковиной, покрытой слоем тонкой песчаной пыли. Когда хозяин закрыл дверь, Жаннин

ощутила холод, исходивший от голых стен, побеленных известкой. Она не знала ни куда поставить сумку, ни куда приткнуться самой. Надо было либо лечь, либо остаться стоять, и в любом случае продолжать дрожать от холода. Она осталась стоять, не выпуская сумку из рук, уставившись на своего рода бойницу возле потолка, через которую было видно небо. Она ждала, сама не зная чего. Она чувствовала только свое одиночество и пронизывающий холод, а еще все нарастающую тяжесть где-то возле сердца. На самом деле она пребывала словно во сне, она почти не слышала поднимавшегося с улицы шума и возгласов Марсея, но при этом, наоборот, прекрасно осознавала, что через бойницу доносится звук, похожий на журчание реки — его порождал ветер, шевеливший листья пальм, которые, как ей казалось, были теперь совсем близко. Потом ветер словно бы усилился, мягкий шепот воды превратился в завывание волн. Она представила, как за стеной покрывается барашками грозное море из прямых и гибких пальм. Ничего не походило на то, что она ожидала, но невидимые волны освежали ее измученные глаза. Она стояла, грузная, с повисшими руками, слегка сгорбившись, вдоль отяжелевших